

Джером К. Джером

Трогательная история

Однажды, в середине июля, я заглянул к редактору-издателю «Еженедельника».

— Вот и отлично, что вы пожаловали сами и избавили меня от труда писать вам! — воскликнул издатель, видимо, обрадованный моему появлению. — Напишите мне, пожалуйста, какую-нибудь трогательную историю для рождественского номера... Томас хочет дать что-то смешное. Он недавно слышал об одном курьезном приключении и намерен «размазать» его для наших читателей. Ничего, пусть «размазывает» страниц на десять... Миге обещал пройтись «по части милосердия». Он на это мастер, в особенности, если надеется получить хороший гонорар... Что же касается «критической» части, то мы пустим в ход Скитлза. Никто лучше него не умеет «прохаживаться» насчет праздничной суетни, бессмысленных расходов, чрезмерной еды, несварения желудка и прочих праздничных «удовольствий»... Но мне хотелось бы, так сказать, для контраста, поместить что-нибудь и трогательное... Например, историю о человеке, которого считали умершим, а он вдруг является целым и невредимым в самый разгар елочного

веселья и тут же обручается с девицей, только что собиравшейся с горя по нему отравиться или... выйти за другого. К трогательному не мешает подпустить и некоторую дозу юмора; а на это из всех наших сотрудников самый способный, бесспорно, вы, — польстил мне издатель.

Признаюсь, предложение это застало меня врасплох. Я вовсе не за тем зашел в редакцию «Еженедельника», где хотя и сотрудничал, но очень немного. Тем не менее лестное предложение редактора... Впрочем, сначала я должен сделать небольшое отступление от главной темы; такая уж у меня несчастная привычка, с которой приходится считаться, ничего не поделаешь.

Дело в том, что здесь кстати (а может быть, и некстати, это дело вкуса) я должен сказать несколько слов о «критике» «Еженедельника», Скитлзе, потому что он, на мой взгляд, вполне заслуживает этого.

Настоящая фамилия этого «критика» была Вихерхент, но товарищи прозвали его «Скитлзом» за его кеглеобразную фигуру.

Обыкновенно всегда насмешливый Скитлз перед Рождеством делался крайне сентиментальным. Приблизительно за неделю до праздника он буквально раздувался от любви к ближнему, кто бы ни был этот ближний, хотя бы его злейший враг. Кого бы Скитлз ни встретил в это

время, он тотчас же принимался осыпать этого встречного такими любезностями, какие не всегда имеются у нас в запасе даже на случай неожиданной встречи с богатым дядюшкой, после которого мы чаем получить наследство. И он проделывал это всегда с таким видом, словно тот, кому он так сердечно желал всяческих благ, непременно получит их и, следовательно, должен быть ему за это очень признателен.

И это при встрече с врагом. Встреча же с приятелем в эти дни была прямо опасна для Скитлза: испытываемые им при этом чувства восторга и радости буквально душили его, и можно было опасаться, что его переполненное чувствами сердце не выдержит и лопнет.

Но всего труднее было Скитлзу в первый рождественский вечер благодаря огромному количеству тостов, которые ему приходилось провозглашать. До знакомства с ним мне никогда не случалось видеть человека, который мог бы предложить такую уйму тостов и при каждом тосте выпить. Сначала он предлагал и пил в честь самого праздника, потом в

честь старой Англии; затем переходил к своим родителям, перебирал свою нисходящую и восходящую родню, всех членов знакомых ему семейств, начиная с присутствующих и кончая отсутствующими.

Истошив весь этот репертуар, Скитлз провозглашал тост за всю прекрасную половину человеческого рода и за любовь вообще, дабы она «неугасимо светилась в очах наших прелестных жен и невест», за дружбу тоже вообще, дабы и она «никогда не остывала в сердцах истинных британцев», за луну, как покровительницу всех влюбленных, и за «лучезарное, животворящее солнце, которое вечно светит над нами и греет нас» (только не у нас, в Англии, и не зимою, — прибавлю я от себя).

Да, очень чувствительный и красноречивый человек был этот Скитлз. Блеск его красноречия достигал своего апогея обыкновенно в тостах, провозглашаемых им в честь «отсутствующих друзей». Хотя таких друзей у него имелось огромное количество, несмотря на это, он никогда не забывал ни одного из них. Когда являлся случай основательно выпить, Скитлз непременно вспоминал «отсутствующих друзей» и клялся с самой горячей любовью и готовностью «пожертвовать ради них жизнью»... на дне бокала. При этом он своими словоизвержениями так щедро награждал и присутствующих друзей, что у них потом целую неделю жужжало в ушах...

Вообще, его «отсутствующие друзья» страшно надоедали друзьям присутствующим. Он положительно пересаливал, распинаясь за них. Мы

все, при случае, хорошо относимся к нашим друзьям, когда они отсутствуют. Но не вечно же горевать о них и превозносить их до небес!

На все есть свое время и своя мера. На юбилейных обедах или на акционерных собраниях, где всегда чувствуешь себя в приподнятом настроении, уместно вспомнить об «отсутствующих друзьях». Но Скитлз переносил свое благоговейное почитание этих друзей нередко в совсем неподходящую обстановку, причем провозглашал тосты и произносил речи, также совершенно не подходящие к этой обстановке.

Никогда не забуду, какой однажды предложил он тост и какую произнес речь на свадебном пиру. Свадьба была блестящая, многолюдная и веселая; новобрачные и все присутствующие находились в самом восторженном настроении. Завтрак кончился и все обязательные тосты были уже провозглашены. Новобрачные вскоре должны были отправиться на вокзал, чтобы совершить обычное свадебное путешествие, и мы уже подумывали, как бы пошумнее и повеселее проводить их. Но вот вдруг поднимается со своего места Скитлз с бокалом в руке и с самым похоронным выражением на лице...

Я сидел рядом с ним и, предчувствуя, что он задумал выкинуть несуразность, толкнул его под столом ногой. Но, должно быть, я ошибся и